

Айгуль Д. Жакупова
Кокшетауский государственный
университет им. Ш. Уалиханова
Казахстан

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ МОТИВОЛОГИИ

Теория, претендующая на роль научной теории, должна содержать в себе, как минимум, два четко определенных положения: об объекте исследования и о наборе методов и приемов научного анализа объекта. Первый критерий лингвистической методологии — онтологический — касается центральной проблемы всякого лингвистического исследования: что есть объект исследования лингвистики и каковы его главные характеристики.

Цель статьи — описать методологическую базу сопоставительной мотивологии в аспекте *онтологии* исследования.

Непосредственное обращение к языковой личности, к языковому сознанию говорящего, его языковой компетенции является основным условием развития сопоставительной мотивологии, нацеленной на выявление общих и специфических особенностей осознания мотивированной лексики носителями разных языков. Это условие создает предпосылки для исследования языка как достояния пользующегося им индивида, как принадлежности индивидуального (коллективного) сознания. Поскольку мотивированность/немотивированность лексических единиц определяется только в результате осознания рациональности связи звучания и значения слова, основанного на ассоциации с другими лексическими единицами, то изучение явления мотивации слов невозможно без учёта показаний языкового (метаязыкового) сознания говорящих.

Собственно лингвистический подход к пониманию языкового сознания (ЯС) соотносится с кругом проблем «мышление о языке», в котором в качестве активного, познающего субъекта выступает языковая личность, а объектом отражения является язык. «Любой носитель

языка в той или иной мере осознает структуру своего языка, нормы и правила его употребления, особенности функционирования и т.д. Эта область осознания получает название ЯС»¹. Понимание сущности ЯС неразрывно связано с анализом его структуры, поиском оснований для его многоуровневой организации. Один из критериев для определения уровней ЯС восходит к проблеме сознания и бессознательного, которую лингвисты пытаются решить на основе языковых данных, учитывая, прежде всего, возможности языковой рефлексии говорящего над речью (языком). В соответствии с этим Джеймс Маршалл и Джон Мортон в ЯС выделяют «уровень скрытого осознания и уровень явных высказываний, фиксирующих факты рефлексивного осмысления элементов и закономерностей языка и речи»².

Область рефлексии (рационально-логического) ЯС, направленную на отражение языка-объекта как элемента действительного мира, Алевтина Н. Ростова обозначает как метаязыковое сознание (МЯС), включающее не только сферу явного, вербализованного сознания, но и сферу скрытого осознания³.

ЯС — это совокупность «знаний языка», хранящихся в ментально-языковом лексиконе человека и вербализованных в виде отдельных слов (текстов); иначе говоря, ЯС — это «говорение на языке», звучащая речь, реализация готовых словесных знаков, умение пользоваться языком в целях коммуникации. МЯС, являющееся частью ЯС, репрезентирует «знания о языке», реализуя их в виде метатекстов (метатекст — «это материализованное в высказывании суждение говорящего о своем языке...»⁴). МЯС вербализуется в результате рефлексии над языком, способствующей выявлению знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности.

Сопоставительная мотивология направлена на выявление общих и специфических особенностей актуализации мотивационных отношений, эксплицированных в показаниях МЯС носителей разных языков.

Рефлексивная деятельность говорящих, направленная на анализ языковых фактов, другими словами, метаязыковая деятельность «выводит на поверхность» особенности восприятия формы и значения знака, способствует выявлению ментальных ориентиров ЯС носителя языка, эксплицирует способность говорящего рассуждать о языке,

¹ А.Н. Ростова: *Метатекст как способ экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)*. Автореферат дис. на соиск. степени доктора фил. наук. Томск: Издательство Томского госуниверситета 2000, с. 33.

² Цит по А.Н. Ростова: *Метатекст...*, с. 44.

³ Там же, с. 45.

⁴ Там же, с. 55.

объяснять его особенности. Метаязыковая деятельность, понимаемая как активный процесс МЯС говорящего, направлена на осмысление системы знаков в их связях и взаимоотношениях, на восприятие языковой и неязыковой действительности, на ассоциирование этих знаков в человеческом сознании.

В исследовании лексического явления мотивации слов метаязыковая деятельность, являясь «обязательным компонентом языковой способности носителя языка»⁵, является движущей силой, поскольку именно она участвует в определении мотивированности/немотивированности слова, в характеристике внутренней формы слова, в анализе лексических процессов, связанных с мотивированностью и т.д. Человеку свойственно стремление осмыслить собственную речевую деятельность, устанавливать рационально-логическую связь между планом выражения и планом содержания, ему свойственно сомневаться, ошибаться, но при этом размышлять, обдумывать, т.е. осознанно подходить к языку, рефлексирова над смысловым содержанием словесных знаков.

Идея описания языка «со стороны», т.е. рефлексии над ним лингвиста, и рефлексии носителя языка («чутья говорящих на данном языке людей» — Щерба)»⁶ принадлежит Яну Бодуэну де Куртенэ, наметившему круг представлений о языке, являющихся достоянием любого носителя языка, и разработавшему психологический аспект языка, суть которого заключается в стремлении определить природу языка через природу мыслительных операций⁷.

Проблема языковой рефлексии в имплицитном виде предстает в работах психолингвистов, исследующих феномен языкового сознания в аспекте общей проблемы «язык и мышление». Сознание ими рассматривается как одна из форм мышления, фиксированное знание, «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя»⁸. В 70-е годы прошлого столетия теория языковой рефлексии все чаще связывается с изучением способов управления речевого воздействия (лингводидактика, основы машинного перевода и др.) и лишь поверхностно затрагивается учеными-психолингвистами. На сегодняшний день «проблема рефлексии скорее ставится, чем решается [...], вопросы, связанные с рефлексией говорящего над речью, оказа-

⁵ И. Т. Вепрева: *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: Олма-Пресс 2005, с. 45.

⁶ *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия 1998, с. 373.

⁷ И.А. Бодуэн де Куртенэ: *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Издательство: Изд-во АН СССР 1963, с. 206, 226.

⁸ А.Н. Леонтьев: *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва: Политиздат 1975, с. 13.

лись вне потока развития психолингвистики»⁹, — считает Алексей А. Леонтьев. Поскольку психолингвистика, прежде всего, опирается на экспериментальные данные, ученый, по всей видимости, имеет в виду отсутствие работ, в которых бы рефлексия говорящих выступала в качестве основного источника исследования, тем самым способствуя решению общетеоретических задач.

При всем многообразии терминологических языковой рефлексии как лингвоментального феномена¹⁰ наиболее близким к его содержанию является понятие «метаязыковое сознание», предложенное Алевтией Н. Ростовою.

Отметим трех авторов, стоящих у истоков современной разработки теории языковой рефлексии. Введение в научный обиход термина «языковая рефлексия» принадлежит Борису М. Гаспарову, поставившему цель описания языка как среды существования человека через языковое поведение и интуицию говорящего¹¹. По мнению автора, «интуитивное движение языкового опыта неотделимо от языковой рефлексии; говорящий все время что-то “узнает” о языке, все время что-то в нем постигает, находит или придумывает»¹². Языковая рефлексия обостряется в ходе метаязыковой деятельности, понимаемой автором как «различного рода рассуждения о языке, от простейших суждений о том, какое употребление является “правильным” и “неправильным” (что уже предполагает проекцию на наблюдаемые факты идеи о том, чем является, или “должен” являться язык), до сколь угодно сложных концептуальных построений, касающихся природы и строения языка и различных его компонентов»¹³. Исследуя коммуникативный

⁹ Там же, с. 154.

¹⁰ «Интуитивные суждения о языке» — У. Лабов: *Исследование языка в его социальном контексте*. «Новое в лингвистике». Вып. 7. Социолингвистика. Москва 1975, с. 96–181; «народная точка зрения» — У. Брайт: *Параметры социолингвистики* [Введение]. «Новое в лингвистике». Вып. 7. Социолингвистика. Москва 1975, с. 34–42; «метаязыковые знания» — Г.В. Ейгер: *Механизмы контроля языковой правильности высказывания*. Харьков 1990; «языковое самосознание» — С.Е. Никитина: *Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре*. В кн.: *Язык и личность*. Москва 1989, с. 34–40; «языковая компетенция» — Л.В. Кирпикова: *Использование фактов языковой компетентности носителей говора в лексикологическом исследовании*. В кн.: *Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии: Доклады и сообщения межвузовского семинара кафедр русского языка высших учебных заведений Западной Сибири*. Барнаул 1972, с. 164–174; «оценки речи» — Б.С. Шварцкопф: *Оценки говорящими фактов речи*. Автореферат... Москва 1971.

¹¹ Б.М. Гаспаров: *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение 1996.

¹² Там же, с. 18.

¹³ Там же.

и духовно-творческие аспекты языковой деятельности, Гаспаров приходит к выводу, что неотъемлемым аспектом языкового существования каждой личности является «стремление придать языковому опыту упорядоченный и рациональный характер, как-то его объяснить и организовать, так же как стремление скоординировать свой личный языковой опыт с опытом других людей...»¹⁴.

Роли рефлексии в речемыслительной деятельности и в устройстве языка посвящена монография Надежды К. Рябцевой *Язык и естественный интеллект*¹⁵, в которой автор приходит к выводу, что «рефлексия носит фундаментальный характер для понимания не только устройства естественного языка, но и его соответствия особенностям породившего его интеллекта человека»¹⁶. Особую роль языковой рефлексии Рябцева видит в участии ее в процессе коммуникации, поскольку именно языковая рефлексия способна мгновенно поставлять любую информацию на подсознательном уровне, а также в процессе обучения иностранному языку, т.к. пользование собственной языковой рефлексией помогает понять «метасмысл» (намерения собеседника) общения.

Коммуникативный и концептуальный аспекты теории языковой рефлексии представлены в монографии Ирины Т. Вепревой *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*¹⁷, посвященной исследованию рефлексивов — «маркеров когнитивно-речевого взаимодействия» как основных единиц метаязыкового дискурса. Понимая рефлексив как особый речемыслительный механизм, вербальной формой которого является рефлексив, автор показывает возможности аспектной интерпретации метаязыковых высказываний, подходит к рефлексивам как к вербализованной речевой материи метаязыкового сознания, предпринимает попытку терминологического определения рефлексива.

Так, можно констатировать, что теоретические основы языковой рефлексии как лингво-ментального феномена закладываются с 1995 по 2005 годы и в настоящее время все чаще оказываются в центре внимания ученых различных лингвистических дисциплин.

Однако следует заметить, что практический опыт непосредственного обращения к фактам языкового осмысления говорящих, был осуществлен намного раньше с той лишь разницей, что ученые не использовали специальных терминов или же иначе их обозначали.

¹⁴ Там же, с. 2.

¹⁵ Н.К. Рябцева: *Язык и естественный интеллект*. Москва: Academia 2005.

¹⁶ Там же, с. 37.

¹⁷ И. Т. Вепрева: *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: Олма-Пресс 2005.

Так, рефлексия над языком, осуществляемая в ходе метаречевой деятельности как «специфической области речевой деятельности, разновидности интеллектуальной деятельности человека, нацеленной на вербальную интерпретацию субъектом языковой реальности» становится предметом исследования, проведенного Ростовской на материале народных сибирских говоров¹⁸. Автор в большинстве случаев использует термин «метаязыковая рефлексия», наиболее точно отражающий специфику исследования, источником которого являются показания метаязыкового сознания информантов-носителей диалектного языка, собранные в ходе психолингвистического эксперимента.

Более того, вся мотивологическая концепция изучения слова, разрабатываемая в русле антропоцентрической парадигмы учеными томской лингвистической школы, целиком и полностью строится на привлечении языковых данных — свидетельств информантов-носителей языка. Мотивология — это «наука о том, как отражается в языке человек и Вселенная и как язык осознается человеком («язык глазами человека»), это наука, которая развивается в тандеме ученого и рядового носителя языка»¹⁹. Сторонники собственно лексикологической теории мотивации слов традиционно используют термин «показания метаязыкового сознания» («вербализованное суждение о языке как результат осознания языковой действительности»²⁰). Все исследования, проводимые в русле мотивологии, апеллируют к МЯС говорящего — основному источнику изучения лексического явления мотивации слов. «Мотивировано слово или нет, имеет ли оно ВФ [внутреннюю форму — А.Ж.], какова ее структура, с какими словами оно вступает в мотивационные отношения, какие лексические процессы — ремотивации, демотивации и др. — претерпевает слово — все это определяет рядовой носитель языка с опорой на собственное метаязыковое сознание, а мотиволог-исследователь фиксирует рефлексии информанта, описывает их и обобщает»²¹.

В последние годы все чаще признается идея выдвижения фактов осмысленного отношения говорящего к своему языку в качестве самостоятельного объекта изучения, что, в свою очередь, будет способствовать

¹⁸ А.Н. Ростова: *Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования*. Автореферат... Томск: Издательство Том.ун-та 1983.

¹⁹ О.И. Блинова: *Мотивология и её аспекты*. Томск: Изд-во Том. ун-та 2007, с. 3.

²⁰ А.Н. Ростова: *Метатекст как способ экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)*. АДД. Томск: Издательство Том. ун-та 2000, с. 55.

²¹ О.И. Блинова: *Сопоставительная мотивология: итоги и перспективы*. «Вестник ТГПУ». Вып.5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск: Изд-во Том. ун-та 2006, с. 66.

«дальнейшей теоретической разработке вопроса о сущности языкового сознания с опорой на широкую фактическую базу»²².

Перспективным направлением в области изучения языковой (метаязыковой) рефлексии может стать описание национальной специфики метаречевой деятельности носителей разных языков. Согласно мотивологической концепции, мотивированной признается лексическая единица, внутренняя форма которой подверглась рефлексии носителя языка, способного осознать рационально-логическую связь ее значения и звучания. Так, носители русского языка при осознании хорошо известного им слова *синица* дают следующие показания: «птица с синими крылышками», «птица, у которой что-то синего цвета», «птица, голос которой похож на “синь-синь”». Такие показания дают возможность мотивологу дать многоаспектную характеристику слова: 1) слово является мотивированным (лексически и структурно), т.к., с одной стороны, соотносится с лексическими единицами, имеющими тот же корень (СИНица — синий; синь-синь), что и обеспечивает им семантическую общность, с другой стороны, обнаруживает связь с одноструктурными лексемами типа горЛИЦА, пигалИЦА (класс птиц), что подтверждает их структурную соотносительность. «Осознание связи значения и звучания слова осуществляется не только на базе корневых, но и аффиксальных морфем (что доказано не раз и экспериментально), поскольку звуковая оболочка слова, если слово мотивированное, включает и корень, и аффикс у производных единиц»²³; 2) внутренняя форма слова имеет вариантный характер, т.е. по-разному осознается носителями языка за счет соотнесения его с разными фрагментами внеязыковой действительности (окраска, голос), в результате чего слово имеет три внутренние формы и характеризуется множественностью мотивации (полимотивация). В приведенном примере одна из внутренних форм является лексикализованной, поскольку носители языка при осмыслении слова актуализировали в своем сознании сегмент *син-*, однако соотнести его со значимым компонентом данного слова затруднились («что-то синего цвета»). В сознании некоторых носителей языка актуальным оказался сегмент *син-*, связываемый с комплексом звуков, по мнению информантов, напоминающим звуки, издаваемые этой птицей. Безусловно, данный звукокомплекс не является адекватным отражением голоса птицы, поэтому информанты используют в своем объяснении

²² А.Н. Ростова: *Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения*. В кн.: *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей*. Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово–Барнаул: Изд-во Алтайского университета 2008, с. 45.

²³ О.И. Блинова: *Мотивология и её аспекты...*, с. 37.

лексему «похож», что позволяет связывать слова *синица* и *синь-синь* на основании сходства — основного параметра метафорической внутренней формы слова; 3) данное слово характеризуется относительным, морфологическим типами мотивированности, т.к. осознается за счет соотношения с корневыми и аффиксальными морфемами.

А если это слово рассмотреть в сопоставлении с его эквивалентами в других языках, мы получим представление не только о национальной специфике восприятия его носителями разных языков, но и о многообразии образов и представлений, актуальных для тех или иных народов-представителей разных лингвокультурных сообществ.

В конечном итоге сопоставительно-мотивологическое исследование направлено на решение общетеоретических проблем языкознания, в числе которых ведущим признан психологический аспект языка, заключающийся в стремлении описать природу универсального и национально-специфического в языке через природу «мыслительных операций» (по Бодуэну де Куртенэ), свойственных человеческому сознанию.

К одной из таких «мыслительных операций» относится мотивационная рефлексия — способность к осознанию рациональной взаимообусловленности звучания и значения, составляющей суть мотивированности языкового знака. Только путем анализа мотивационной рефлексии говорящих на разных языках людей исследователь-мотиволог может выйти на уровень исследования национальных особенностей функционирования лексического явления мотивации слов.

Феномен мотивационной рефлексии как особой формы метаязыкового мышления недостаточно разработан в лингвистике. Первый опыт комплексного описания мотивационной рефлексии и ее разновидностей принадлежит Татьяне А. Гридиной, разработавшей лингвокогнитивный и функциональный аспекты мотивационной рефлексии применительно к детской речи²⁴. Изучая речевую деятельность ребенка, метаязык «детских инноваций», Гридина приходит к выводу, что одной из основных ментальных доминант языкового сознания ребенка является мотивационная рефлексия, которая «высвечивает» когнитивные основания, лежащие в основе интерпретации содержания и формы языковых единиц, а также «обнаруживает те креативные ходы, которые подсказаны ребенку собственно языковой техникой»²⁵.

²⁴ Т.А. Гридина: *Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка* [Электронный ресурс]. Институт лингвистических исследований РАН: [сайт]. СПб. 2002. <<http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html?language=en>> (30.01.08).

²⁵ Там же.

Гридина с учетом инструментария современной мотивологии осуществляет описание мотивационной рефлексии как основы лингво-креативной деятельности ребенка, осваивающего языковую технику. Она рассматривает мотивационную рефлексию как функционально значимую (естественным образом складывающуюся) стратегию усвоения языка в онтогенезе, суть которой состоит в «обращении ребенка к мотивационному коду интерпретации вербальных единиц»²⁶. В ходе осмысления готовых слов и в процессе детских новообразований, сопровождаемых мотивационным комментарием, ребенок, в первую очередь, обращается к внутренней форме слова, стремится осмыслить ее путем ассоциативной интерпретации. Поэтому, по мнению ученого, мотивационная рефлексия играет ведущую роль в интерпретации характера ассоциативных аналогий, выступая как «операциональная стратегия усвоения языка, обращенная к анализу внутренней формы готового слова и к применению «выведенных» языковых алгоритмов для создания детьми собственных слов»²⁷.

Наполняя определение мотивационной рефлексии ономаσιологическим содержанием («Мотивационная рефлексия — особая форма метаязыкового мышления, связанная с осознанием (пониманием) внутренней формы слова (выявлением мотивированности наименования)»²⁸), Гридина исследует ее с точки зрения типов (коммуникативно-эвристический, коммуникативно-прагматический, интерпретативно-прогностический), реализации в разного рода контекстах (прогностический, аксиологический, генеративный), факторов, обуславливающих различные проявления рефлексивного мышления ребенка и т.д. Эмпирической базой исследования явились фрагменты детской речи, извлеченные автором из разного рода источников (журнальные и газетные рубрики), дневниковые записи детей, примеры из работ, посвященных исследованию детской речи, материалы словарей детской речи, собственные наблюдения автора над речью детей дошкольного и школьного младшего возраста.

Опыт сопоставительно-мотивологических исследований, проведенных на материале, собранном в ходе масштабного психолингвистического эксперимента с носителями разных языков на предмет осмысления ими языковых единиц и возможности их интерпретации, показал, что мотивационная рефлексия свойственна не только языковому сознанию ребенка, это — универсальное свойство метаязыкового мышления человека, обуславливающее направленность его сознания на соот-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

ношение плана выражения и плана содержания языковых единиц, на объяснимость связи между звучанием и значением.

Проблема рефлексивной деятельности человека (способность говорящего интерпретировать языковые факты) активно разрабатывается в рамках сопоставительной мотивологии. Поскольку мотивация рассматривается современной лингвистикой как сложное психолингвистическое явление — один из способов познания и восприятия окружающего мира, а мотивированность/немотивированность лексических единиц определяется только в результате осознания рациональности связи звучания и значения слова, основанного на ассоциации с другими лексическими единицами, то изучение явления мотивации слов невозможно без анализа мотивационной рефлексии говорящих.

Сопоставительно-мотивологическое исследование, в первую очередь, направлено на анализ фактов мотивационной рефлексии, отраженной в показаниях МЯС носителей разных языков.

Показания МЯС носителей языков анализируются, прежде всего, с точки зрения типа метавысказывания.

Осознание мотивированности/немотивированности слова эксплицируется в ответах-высказываниях, демонстрирующих актуализацию мотивационных связей.

а) метатексты, эксплицирующие осознание ВФС (содержат указание на связь данного слова с другими словами на основе их формально-семантического сходства): РЯ *каменушка* — «птица, обитающая на камнях» (74)²⁹; *дутьиш* — «птица с надутой грудью» (45); *иволга* — «птица, обитающая там, где растут ивы» (57); БЯ *синьогушка* — «птица, която има синя гушка» (100); *свирец* — «наподобява свирката на човек» (67); *дърдавец* — «птица, която неясно дърдорее» (58); ПЯ *pustelnik* — «żyje w pustyni» (84); *raróg* — «ptak ma róg» (55); *rokitniczka* — «ptak, który żywi się rokitnikiem» (63); КЯ *құзғын* — «өте әдемі құс, құздарда тіршілік етеді» (33), *қызылқұйрық* — «құйрығы қызыл» (77), *дүңілдек* — «ағаш діңдерін дүңілетеді» (37); ТЯ *күгәрчен* — «күк төстәге кош» (52); *қызылтүш* — «кошның түше қызыл булуы аркасында шулай дп атала» (37); *чуллык* — «суда чулып уйнаучы» (36), «чулкига сыятырган кошны чуллык дп атылар» (21).

Количество подобных метавысказываний составило в русском языке — 77%, в болгарском — 82%, в польском — 80%, в казахском — 85%, в татарском — 82 %.

б) метатексты, эксплицирующие альтернативное прочтение внутренней формы слова (метавысказывания содержат разные варианты

²⁹ После метатекста указывается количество ответов информантов.

прочтения внутренней формы слова, обусловленные множеством ассоциаций, возникающих в МЯС говорящего):

РЯ пухляк — «пышиная, пухлая птица» (40), «у неё пушистые перья» (27), «у неё перья как пух» (19), «питается пухом» (14); **ржанка** — «её голос напоминает ржанье лошади» (34), «питается ржаными колосками» (27), «питается рожью» (22), «ржаного цвета» (17); **рябинник** — «птица питается рябиной» (52), «обитает в рябиннике» (30), «птица цвета рябины» (18); **БЯ буревестник** — «птица, която предвещава бурята» (45), «носи предвестие за буря» (18), «лети и се стрелва бързо, както изведнъж се появява бурята, навестява като буря» (10), «появява се преди бури» (6); **потанник** — «птица, която гмурка се потая във вода» (56), «от периодичното потаяне на главата във водата» (23); **слепок** — «птица, която вероятно е сляпа» (58), «птица, на която очите са тесни, като че ли е сляпа» (25), «вижда лошо, като сляпа» (12); **ПЯ slonka** — «bo slony» (35), «lata w sloneczne dni» (21), «slonice» (13); **podróźniczek** — «ptak, który lubi podróżować» (40), «ptak, który spędza duży czas w podróży» (24), «podróż» (15); **grzywacz** — «ptak, który ma na głowie bujną „czuprynę”, jakby grzywa» (65), «ptak, który ma grzywę jak Irokez» (22), «może ma grzywę jak papuga» (17); **czajka** — «ptak, który czai się, skrada się» (44), «bo chodząc, sprawia wrażenie, jakby „przyczajala się”, „czaila się» (25); **siewka** — «ptak, który lata przy siewie» (46), «rozmaża się w czasie siewów» (23); **КЯ шыргалак** — «шырылдайды» (45), «мүмкін, агаштарга шыргалап шыгатындықтан» (20); **таган** — «таган салалды» (42), «сыртқы тұрқы немесе аяқтары таганға ұқсайды» (26); **әупілдек** — «әуп-әуп етіп айқайлайды» (52), «әупілдеп ұшады» (13); **ТЯ чебенче** — «чебен ашаганга» (39), «чебенге ошаганга» (33), «чебеннәр аулы торган кош», «бәлки чебен ашагангадыр, яки тавышы муңа ошагандыр» (28); **күкиә** — «күк төстә» (52), «каурыйлары күк төсендә булганы өчен» (39), «бәлки бу кош күктә очарга яраткангадыр» (9); **көртлек** — «„көрт-көрт” диген тавыш чыгарып көртлэгән» (48), «көрт астында яши» (34).

Количество таких метатекстов зафиксировано в языках славянской группы немного меньше, чем в языках тюркской группы (в русском языке — 63%, в болгарском — 65 %, в польском — 60%, в казахском — 75%, в татарском — 72%).

в) метатексты, эксплицирующие образное значение слова (указывают на ассоциативную связь данного предмета с другим явлением, уподобляемым обозначаемому на основе их реального или мнимого сходства³⁰): **РЯ зарянка** — «птица цвета зари» (20), «розовая, как заря»

³⁰ Е.А. Юрина: *Образный строй языка*. Томск: Изд-во Том. ун-та 2005, 156 с.

(15); **канюк** — «кричит, как будто канючит» (58); **кардинал** — «яркое оперение, как одежда у кардинала» (44); **лунь** — «желтая, как луна» (45), «круглая, как луна» (35); **лысуха** — «мало перьев, как лысая», «на голове нет перьев, будто лысая» (100); **овсянка** — «желтого цвета, как овес» (26); БЯ **гривяк** — «има нещо, което наподобява грива» (70), **гробар** (гарван) — «гарван, който присъства при погребения като гробар» (45), «птица, която лети около гробове» (27), «оперенията му са черен цвят като гробарите» (13), «гарван, който е сериозен и тъжен като гробар» (5); **бик** — «голяма, тлъста птица, която прилича на бик» (35), «птица, която има гръмък глас, като у бика» (27); ПЯ **kszyk** — «wydaje dźwięki podobne do „krzyku”» (50), **baк** — «ptak, który umie się przewrócić, jak zabawka baк» (33), «ptak, który jakby baка» (20), «bo głośno brzęczy, jak baк» (14); **nurek** — «gdy lata, wygląda, jakby nurkował» (28); КЯ **таукүдирет** — «таудай үлкен күдиретти» (33); **дауылпаз** — «дауыл сияқты ұшатындықтан» (51); **жылқышы** — «жылқыға тәріздес құс» (40), «жылқышы тәрізді мұқият, сақ болғандықтан» (25); **мысық торғай** — «мысық сияқты торғай» (90); ТЯ **күгәрчен** — «күктә оча торған кош» (48); **бытбылдык** — «бер туктамый бытбылдаганга, кычкырганга» (44), **карабүрек** — «баи өлешендәге каурыолары кара булып тора, кара бүрек кигәнне хәтерләннә торған кош» (36), «башының нәкъ очы кара төстә булып көгереп торғанга» (24), «башында бүрек шикелле кара тап булғанга» (18), **сиртмәкойрык** — «койрыгы сиртмәле булғанга» (53), «аның койрыгы гел сикереп тора һәм үзе сикереп йөри, сиртмәле булғанга» (28).

С точки зрения экспликации ассоциативно-образного содержания было выявлено 56% метатекстов в русском языке, 45% — в болгарском языке, 40% — в польском языке, 53% — в казахском языке, 47% — в татарском языке.

г) метатексты, эксплицирующие лексикализацию внутренней формы слова (содержат сомнение, неуверенность, догадку, предположение):

РЯ **теньковка** — «как-то связана с тенью, а как, не знаю» (30), **султанка** — «птица по внешним признакам напоминает султана, но чем именно, не знаю» (52), **стервятник** — «как-то связана со стервой, а как, не знаю» (40), **синица** — «что-то у птицы синего цвета, а что, не знаю» (60), «возможно, её голос похож на звуки „синь-синь”» (32); БЯ **козодой** — «вероятно, доц ночью козите» (32), «вероятно, обича козе мяко» (13); **конопарче** — «птица, която може би живее в конопите» (44), «прави нещо с конопа, но какво?» (12); **синигер** — «може би защото има сини перъа» (32), «мисля, че има синя окраска на коремчето» (15); ПЯ **świstunka** — «ptak, który może być wydaje dźwięk świstania» (26), «możliwe bo śwista» (22); **brodziec** — «na pewno

*lubi brodzić w wodzie» (42); КЯ **шөл шақшақайы** — «шөлде мекендейтін құс шығар»(33), **айқабақ** — «қабағы ай тәріздес құс шығар» (30); **қарқылдақ** — «қарқылдап күле бергеннен атап кеткен болар» (40), «мүмкін, **қарқыл** даусы болғандықтан» (31); ТЯ **мамыкашар** — «**мамык** белән тукланганга» (37), «минемчә бу кошлар ояларын **мамыктан** ясаган» (21), **акчарлак** — «**акча** китерә торган кош дип уйлаганнар, шуңа кушканнар» (43), **сыерчык** — «ничек тә булса **сыерга** охшагандыр» (39), **тартар** — «бәлки ул эсирдән кортларны **тартып** чыгарадыр» (25).*

Результаты ПЛЭ показывают, что носители языка узнают, вычленяют сегменты ВФС, но не могут с уверенностью объяснить взаимообусловленность его звучания и значения, дать толкование с опорой на компоненты, ставшие фактом их ЯС.

Мотивационная рефлексия как лингво-ментальный феномен участвует не только в становлении языковой способности и проявлении языкового сознания ребенка, она способствует выявлению знаний говорящего о своем языке и о мире, играет ведущую роль в формировании национальных языковых картин мира, участвует в процессе миромоделирования и категоризации действительности языковым сознанием, оказывает влияние на ориентирование человека в системе языковых и неязыковых фактов, тем самым подтверждая тезис о гносеологической природе языка.

Сопоставление результатов мотивационной рефлексии, другими словами, сопоставление фактов осмысленного отношения говорящих на разных языках людей к мотивированному пласту лексики, позволит выявить общие и специфические особенности восприятия окружающей действительности людьми-носителями языка, определить доминирующие в той или иной языковой системе концепты, формирующие когнитивный фон лингвокультуры, а также представить систему образов и ценностей, актуальных для того или иного языкового социума. Подобного рода исследование будет способствовать решению вопросов национальной специфики лексического явления мотивации слов, формированию целостной концепции сопоставительной мотивологии, тем самым, внося значимый вклад в развитие теоретических основ науки мотивологии.

Таким образом, объектом сопоставительной мотивологии является мотивационная рефлексия носителей сопоставляемых языков. Предмет составляет лексическое явление мотивации слов в разных языках.

Ajgul D. Żakupowa

ONTOLOGICZNY ASPEKT PORÓWNAWCZEJ MOTYWOLOGII

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest omówieniu ontologicznego aspektu motywologii porównawczej (nauki badającej leksykę motywowaną z pozycji jej postrzegania przez nosicieli różnych języków), która obejmuje opis celów, zadań, przedmiotu i obiektu tej nauki. W artykule rozpatrzone zostały pojęcia językowej i metajęzykowej świadomości, językowej i metajęzykowej refleksji i refleksji motywacyjnej. Przytoczono także fragment analizy metajęzykowej świadomości przeprowadzonej z punktu widzenia typu metawypowiedzi demonstrujących aktualizację związków motywacyjnych.

Ajgul D. Zhakupova

THE ONTOLOGICAL ASPECT OF COMPARATIVE MOTIVOLOGY

Summary

The article is devoted to the development of the ontological aspect of the comparative motivology (the science focused on motivated vocabulary from the point of view of speakers), which includes the statement of purpose, goals, subject matter, and object of the science. The article considers the notions of linguistic and metalinguistic comprehension and motivation reflection. The article gives examples of the metalinguistic comprehension analysis from the point of view of types of metastatements demonstrating realization of motivational relations.